

Разрушать — дело нехитрое...

Прочёл статью писателя Андрея Никитина о Плещеевом озере, напечатанную в июне в «ЛГ», и снова защемило сердце: ну, до каких же пор говорить и писать об очевидном?! И вспомнилось, как сам я недавно ходил по Переславлю, пытаюсь разобраться — что же происходит с озером?

...От небольшого кирпичного строения — переславского рыбцеха — ветерок нёс дразнящий запах коптильни. У входа в неё лежали подёрнутые льдистой корочкой брикеты свежемороженых обитателей океанических глубин. Их везли к Плещееву озеру за тридевять земель, чтобы именно здесь, словно в назидание, на берегу некогда богатейшего рыбой водоёма довести эту мороженную иноморскую продукцию «до кондиции».

— Скумбрию работаете? — спросил я девушку, технолога цеха.

— Её самую, — она грустно улыбнулась.

— Сапожник без сапог?

— Вот именно. На днях наши рыбаки взяли десять килограммов ряпушки. Два дня ловили. Представляете? А весит каждая рыбёшка — чуть больше ста граммов.

Десять килограммов и десятки тонн! Именно столько вылавливали в Плещеевом озере 10—15 лет назад. Большую часть уловов составляла знаменитая «царская селёdochка» — ряпушка. Было её, ко всему прочему, не десяток на килограмм, как сейчас, а три-четыре штуки.

Пришло на память недавнее высказывание в печати Н. Шехавцова, научного сотрудника Института биологии внутренних вод Академии наук СССР. Свёл он его к тому, что ёрш — естественный конкурент ряпушки, питающийся её икрой, должен быть удалён из озера. Иначе урожай ряпушки не подымешь, хотя прежний плещеевский ёрш, вошедший даже в классическую литературу, помните «Ерша-Ершовича, сына Щетинникова»? — с ряпушкой уживался преспокойно. Может быть, нынешний ёрш изменил свои нравы?

— Ерша, наверное, много взяли? — на всякий случай высказал я предположение.

— А ерша вообще не было.

Зря, значит, грешили на ерша. Причина была не в нём.

В горисполкоме мне показали стенограмму заседания тринадцатой сессии Переславль-Залесского городского Совета народных депутатов «О состоянии и мерах улучшения охраны природы и использовании природных ресурсов», состоявшегося 27 сентября 1979 года. Докладчики (в основном, представители химзавода) подробно рассказывали, как врыли в землю восемь столбиков со щитами с надписью «Озеро — памятник природы», оборудовали стоянку автотранспорта у своей базы отдыха, построили общественную купальню, установили границу водосборной площади города, с которой в озеро могут попасть поверхностные стоки (границы-то установили, а вот о защите этих границ не сказано ни слова!), наладили контроль за качеством воды в устье реки Трубеж.

Но главное, на что уповала сессия, был проект дамб, надёжно отрезающих Плещеево озеро от его прежней, налаженной веками жизни и дарующих ему, по заверению докладчиков, самые радужные перспективы. В чём суть этого проекта?

— Представьте себе практически правильный овал, — пояснил главный архитектор города В. А. Попов. — Это наше озеро. С юга в него впадает Трубеж, с севера — вытекает Вёкса. Главное питание озера — родники, дающие холодную, прямо-таки хрустальную воду

с большим количеством кислорода, за счёт которой и живёт знаменитая ряпушка. За последние годы этой воды стало много меньше, десятки артезианских скважин качают воду из тех подземных горизонтов, которые питают озеро. Только химзавод берёт из этих скважин тринадцать тысяч кубометров в сутки. А ведь по плану он должен брать воды в четыре раза больше.

Что для этого делают? Помимо водохранилища на Трубеже и дамб на Вёксе, на берегу, где находятся артезианские скважины, встаёт ещё одно сооружение — насосная станция. От неё в озеро идёт километровая труба, чуть притопленная, по которой вода будет забираться прямо из озера в дополнение к воде из скважин. По проекту, подчеркнул Попов, верхний 15-сантиметровый слой воды озера (нагретой и, как утверждают некоторые специалисты, той самой, что сейчас стекает в Вёксу) будет ежедневно выкачиваться. Содержимое этого слоя и должно якобы составить те пятьдесят тысяч кубометров воды, которая нужна химзаводу. А уж вытекать из озера ничего не должно. И не вытечет, ибо объём сейчас забираемой воды уже несколько больше того, что получает само озеро.

Оглушённый столь нехитрой логикой проекта, выполненного «Союзводоканалпроектом», я молчал. Боже мой, тысячи лимнологов планеты десятилетиями изучают озёра, прежде чем составить о них какие-то представления. Зачем они это делают? Ведь так просто: из трубы «А» столько-то втекает, из трубы «Б» столько-то вытекает, определить осталось только самую малость: когда бассейн опустеет! Но озеро-то — не бассейн!

На химзаводе мне рассказывали о достоинствах и совершенстве очистных сооружений завода. Не стану скрывать, они впечатляют и далеко не на всех подобных предприятиях страны имеются такие.

Однако вот сообщение переславской газеты «Коммунар» (№ 141, 3.10.80): председатель исполкома Копнинского сельсовета Н. Сидоров пишет, что в реке Нерль Волжская, куда Переславский химзавод сбрасывает свои очищенные воды, в конце лета вода вдруг разом испортилась: метров за 200 от берега стал ощущаться зловонный запах, рыба из реки выбрасывалась, словно ей нечем было дышать, и погибала. От частых и сильных дождей низкие берега Нерли оказались затопленными, а когда река вошла в свои берега, на месте заводов остался чёрный, как дёготь, осадок...

Гляжу на почётные дипломы завода, вручённые ему за образцово-санитарное состояние, и тускнеют для меня их полиграфические красоты. Зато вспоминается, что в центре Переславль-Залесского, вопреки всем проектам и согласованиям, осталось ещё одно предприятие, фабрика киноплёнки. Стоки её, содержащие убийственный для всего живого метилхлорид, ацетон и прочие «прелести», конечно, очищаются, но, как слышал я в том же исполкоме, не столь тщательно, как стоки самого химзавода, а сбрасываются в Трубеж. В тот самый Трубеж, что втекает в Плещеево озеро. Уж сколько было решений закрыть это предприятие, не пересчитать их даже, а воз, что называется, и ныне там. На химзаводе создан общественно-технический комитет по охране природы под председательством главного инженера В. М. Ширяева.

— Откровенно говоря, — сетовал главный инженер, — с этим озером у нас больше обязанностей, чем прав...

— А что, других проектов получения воды для химзавода не было? — поинтересовался я у Ширяева.

— Были, были, — успокоил меня Валентин Михайлович. — Несколько проектов было. Но мы остановились на нашем. Он более удобен для нас, да и проще: восемь миллионов рублей — столько стоят сооружения, а три миллиона пустим на озеленение берегов озера.

Удобно и просто... Но целесообразно ли? Всегда ли безупречно такое сочетание? Ведь сук, на котором сидишь, рубить, конечно, удобнее, чем, скажем, тот, что находится в двух метрах от тебя...

В управлении капитального строительства химзавода мне назвали время окончания стройки по проекту: 1984—1985 годы. И любезно предложили автомобиль для поездки на один из участков строительства.

Я ехал и думал о том, что происходит. Хотел представить себя на месте людей, забывших историю знаменитого озера, гладь которого рассекали корабли русского флота. В конце концов, решил я, за утрату гордости не судят, она остаётся на твоей совести. Но думать-то о будущем своего города обязан каждый, а тем паче его руководители. А оно органиче-

ски связано с судьбой Плещеева озера, с запасами его пресной воды, которой уже сейчас не хватает жителям и заводам Переславля-Залесского. Что же будет через двадцать лет, когда население города — по плану — должно увеличиться вдвое?

И ещё не давала мне покоя несуряница. Проект, о котором речь, был заказан головной организацией Переславского химзавода — ГосНИИхимфотопроектом в 1972 году. Два года спустя его уже утвердили в Переславском горисполкоме. А в 1975 году озеро объявляют памятником природы. Но памятники ведь не улучшают! А именно с этой позиции пытались мне доказать на химзаводе важность осуществления проекта для самого озера. Памятники восстанавливают — это прописная истина. Восстанавливают скрупулёзно и тщательно, а не одним махом, создают для них те условия, в которых они жили веками, именно жили, а не существовали. Где же здесь логика?

— Значит, так, — прервал мои размышления инженер химзавода Топорков. — Здесь, — он показал на яму, вырытую экскаватором, — будет насосная станция. А вот там, — его рука протянулась к берегу озера в направлении кирпичной будки, одной из шести артезианских скважин, — там уже лежит труба. Протянута на дне, почти на километр в озеро, точнее — на 980 метров.

— Как, уже лежит?!

— Лежит. Плотно присыпана землёй, только горловина чуть приподнята. Чтобы ил и всякая там грязь в трубу не попадали. Понятно?

— Понятно. А зачем двойную работу делать?

— Что значит — двойную? — удивился инженер.

— Трубу ведь придётся потом поднимать, чтобы фиксировать её на глубине 20—30 сантиметров от поверхности озера.

— Почему вы так решили? — продолжал удивляться инженер.

— Да это не я решил... Таков проект.

— Не знаю, что в проекте, их, как известно, бывает немало, прежде чем выберут окончательный, но труба уложена точно в соответствии с заданием строителям. И поднимать её никто не будет.

Спорить и что-то доказывать в этой ситуации было полной бессмыслицей. Я только живо представил себе, как ненасытная труба втягивает без устали не проектную, перегретую воду верхнего слоя, а самую что ни на есть живую воду озера, всю ту, что не в силах пока взять артезианские скважины; как год от года разрастается зловещий слой сероводорода, губя оставшуюся рыбу; как вольготно расселяются по всему озеру сине-зелёные водоросли, постепенно превращая озеро в болото...

Неужели такое возможно?

Вынужденное дополнение отдела «Человек и экономика» «ЛГ»

Геологи, гидрогеологи и геохимики согласно определяют причины гибели озера и необходимые меры по его спасению. Как эти причины подействовали на экологическую систему озера, показывает реферат предварительного отчёта Института биологии внутренних вод АН СССР «Результаты комплексных гидробиологических исследований экосистемы озера Плещеево» (научные руководители — доктор биологический наук А. Г. Поддубный и кандидат биологических наук Л. К. Малинин), представленный институтом в Ярославский областной совет Всероссийского общества охраны природы (ВООП).

Поскольку реферат достаточно объёмист, приводим лишь основные его положения. Согласно данным института, комплексные исследования Плещеева озера в 1978—1980 гг. показали, что за последние 10—20 лет в озере произошли значительные изменения. Судя по работам И. М. Балонина, исчезли некоторые виды диатомовых водорослей, существующих только в чистой, насыщенной кислородом воде. В то же время мощное развитие получили сине-зелёные водоросли, обуславливающие так называемое «цветение воды» и приводящие к острому кислородному голоданию водоёма. Впервые для Плещеева озера это явление было отмечено в 1974 году (то есть после начала работы химзавода и подтопления поймы реки Вёксы) и с тех пор приобрело постоянный, всё растущий характер благодаря продолжающемуся загрязнению озера.

Исследования А. И. Баканова показали, что по сравнению с данными 30-х годов глубоководные части озера стали теперь беднее животными организмами более чем в десять раз, то есть практически безжизненны. В настоящее время зона с хорошими кормовыми условиями для рыб не опускается ниже 13 метров. Глубже в озере практически отсутствует кислород, захватываемый из воды развивающимися процессами гниения.

По мнению старшего научного сотрудника института А. С. Стрельникова, мощным источником загрязнения Плещеева озера служат сельскохозяйственные угодья на площади его водосбора. За последние десять лет применение химических удобрений здесь возросло в двадцать раз, гербицидов — в шесть раз, пестицидов — в 2,5 раза. Как пишут авторы реферата, отрицательное воздействие на биологические процессы самоочищения вод озера, несомненно, сыграло и нарушение его водообмена, вызванное увеличением водосбора из реки Трубеж и отсоса подземных вод скважинами.

Не менее впечатляющими оказались и наблюдения ихтиологов. В Плещеевом озере ещё насчитывается 16 видов рыб, но количественное соотношение этих видов резко изменилось. Ёрш, которого раньше переславские рыбаки добывали по несколько сотен центнеров, сейчас полностью выпал из промысла. За последние 2—3 года отмечено резкое падение уловов ряпушки, постепенное уменьшение её размеров и веса. По самым приблизительным оценкам биологов, общая промысловая продуктивность озера сократилась в 3—3,5 раза.

Вывод, к которому приходят учёные-биологи, неутешителен. По их словам, «несмотря на высокую многолетнюю устойчивость экосистемы озера Плещеево к загрязнению и растущему водопотреблению, в настоящее время водоём испытывает большую напряжённость. Дальнейшее нарастание загрязнения и безвозвратного водопотребления может вызвать нежелательные нарушения многих элементов экосистемы, в том числе ухудшение качества воды и ихтиофауны».

Чтобы предотвратить дальнейшую гибель водоёма, биологи предлагают установить водоохранную зону по всей водосборной площади озера, запретив применение химических удобрений и ядохимикатов, создать стационарный гидробиологический пункт для изучения и систематического контроля экосистемы Плещеева озера, а вместе с тем создать на его базе комплексный историко-природный национальный парк.

Что ж, аргументы специалистов весьма серьёзны, а их выводы однозначны: необходимо немедленно отказаться от порочного проекта 1973 года и найти надёжный, не связанный с озером источник водоснабжения города и завода, чтобы спасти озеро, сохранив его для будущего.

А как же письмо тов. Мохова М. И.?

К сожалению, выступления специалистов заставляют признать официальный ответ Ярославского облисполкома всего лишь формальной, уклончивой отпиской, не затрагивающей существа вопроса, а некоторые утверждения не соответствуют действительности. Примером может служить искажение позиции ВООП в отношении Плещеева озера, как следует из официального письма в редакцию первого заместителя председателя президиума Центрального совета ВООП И. Баришпола, отказ от рассмотрения проекта волжского водопровода (о чём пишут московские гидрогеологи), «соответствие» проектов охраны озера не «действующему», как указано в письме тов. Мохова М. И., а **ДЕЙСТВОВАВШЕМУ** в 1970 году законодательству...

Настораживает, что такая позиция в вопросе о Плещеевом озере — не новость. Два года назад председатель Ярославского областного совета ВООП тов. Егоров Н. Н. (он же — секретарь облисполкома) в письме, адресованном «ЛГ» от 16 мая 1979 года уверял, что ещё в 1975 году «озеро Плещеево объявлено памятником природы и закреплено под охрану за Переславским химическим заводом и Ярославским рыбзаводом, что оказало положительное влияние на сохранение озера». Какое «положительное влияние» было этим оказано, видно из отзывов специалистов. Но это не всё. «В целях защиты приозёрной зоны, — было написано в письме, — все леса, расположенные по побережью... объявлены заповедниками, в которых запрещены рубки леса, кроме рубок ухода. Решением облисполкома в 1976 году береговая полоса вокруг озера объявлена санитарной зоной и установлен режим повышенной строгости».

Из откликов специалистов, рекомендаций биологов и выступления писателя Андрея Никитина можно видеть, что утверждения тов. Егорова тоже имеют мало общего с действи-

тельностью. Произошло не улучшение, а катастрофическое ухудшение экосистемы озера. Что же касается охранных мер, то, как показывает имеющийся в редакции отчёт члена секции охраняемых территорий Центрального совета ВООП тов. Дрейцера-Залётного А. С., побывавшего в июле этого года в Переславле по поручению ЦС ВООП, все эти меры остались на бумаге: нет ни «режима повышенной строгости», ни самой санитарной зоны. Строительство и рубки в прибрежной зоне проводятся без какого бы то ни было контроля и согласования. Позволительно спросить: на что же были израсходованы отпущенные специально для спасения озера средства? Что конкретно сделано за шесть лет, прошедших после первого постановления, для сохранения подземных вод, питающих озеро, и окружающих его урочищ?

Хотелось бы знать, что думают обо всём этом в Госстрое РСФСР, Минводхозе РСФСР и в других ведомствах, на мнение которых ссылается М. И. Мохов.